

11-37445р.

Рез

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
НОВЫХЪ УЧЕНІЙ
 ВЪ УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ.

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ).

ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА

М. П. Чубинскаго.

БИБЛИОТЕКА
 О-ва для достав. средствъ
 В. Ж. КУРСАНЪ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университ. Св. Владиміра
 Н. Т. Корчакъ-Попицкаго, Мих. ул. д. № 4-й.

1898.

2969/8.0
БИБЛИОТЕКА
 ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТЪ

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1898 годъ.

Общая характеристика новыхъ ученій въ уголовномъ правѣ.

Переживаемая нами за послѣднюю четверть вѣка эпоха въ наукѣ уголовного права отмѣчена оживленіемъ чрезвычайно бурнаго характера; это Sturm und Drang въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Мирное и спокойное научное состояніе было потревожено; пронесся цѣлый вихрь новыхъ ученій, причемъ институты, прежде казавшіеся безспорными и неизблемыми, подверглись смѣлымъ ударамъ критической мысли и на первый планъ былъ выдвинутъ цѣлый рядъ вопросовъ, о которыхъ раньше и рѣчи не было. Казалось бы, что по крайней мѣрѣ понятіе о наукѣ уголовного права должно было остаться неприкосновеннымъ, но и этого не случилось. До послѣдняго времени уголовное право разсматривали какъ юридическую дисциплину, которая изучаетъ преступленіе и наказаніе какъ отвлеченныя юридическія понятія; эта наука имѣла строго очерченный характеръ и опредѣленное содержаніе. Въ послѣднее-же время существовавшій взглядъ поколебленъ; отъ науки уголовного права потребовали, чтобы она включила въ себя вспомогательныя дисциплины, изучающія какъ органическій міръ преступниковъ, такъ и тѣ социальныя условія, благодаря которымъ возникаютъ преступленія; вмѣсто уголовного права одни стали говорить о криминологіи, другіе объ уголовной соціологіи. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ должна была завязаться ожесточенная борьба между

сторонниками старого и нового. Инициаторами борьбы явились еще в семидесятых годах антропологи, первой же бомбой, взрывъ которой произвелъ страшный шумъ, было сочиненіе о преступномъ чловѣкѣ туринскаго профессора судебной медицины Чезаре Ломброзо. Дальнѣйшія его работы въ связи съ работами его учениковъ и послѣдователей, между которыми особенной извѣстностью пользуются Энрико Ферри и Гарофало, создали серьезное научное движеніе, получившее наименованіе антропологической или позитивной школы уголовного права. Дождемъ посыпались во всѣхъ странахъ и на всѣхъ языкахъ посвященные новой школѣ критическіе этюды, причемъ въ первыхъ изъ нихъ мы напрасно стали бы искать примирительнаго тона и спокойнаго обсуждения: слишкомъ жгучи были затронутые вопросы, слишкомъ серьезны заявленные реформаторами требованія. Здѣсь скрывается причина того факта, что антропологическая школа встрѣтила съ одной стороны энтузіастовъ послѣдователей, а съ другой—упорныхъ враговъ, не желающихъ признавать въ новыхъ ученіяхъ ничего добраго.

Антропологи съ своей стороны не молчали и съ горячимъ убѣжденіемъ отстаивали добытыя ими данныя. Polemica стала разгораться все больше и больше, посвященная ей литература стала дѣлаться почти необозримой,—и вотъ въ это именно время начали появляться работы третьяго направленія, окрещеннаго соціологическимъ, которыя мало-по-малу образовали стройную научную систему и привели къ образованію грандіознаго явленія: мы имѣемъ въ виду созданіе международнаго союза уголовного права, насчитывающаго сотни членовъ юристовъ во всѣхъ образованныхъ странахъ и создаващаго статутъ, въ основѣ котораго лежатъ уголовно соціологическія ученія.

Такимъ образомъ новыя ученія въ области уголовного права могутъ быть сведены къ двумъ типамъ: ученію антропологовъ и ученію соціологовъ, хотя понятно, что наряду съ этими основными типами существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ, какъ отъ одного новаго направленія къ другому, такъ и отъ одного изъ новыхъ направленій къ ученіямъ прежней школы, получившей въ устахъ новаторовъ названіе классической, но не въ смыслѣ стройности и основательности, а въ смыслѣ искусственности, рутинности и застоя; названіе скорѣе ироническое, чѣмъ комплиментарное, если позволено будетъ такъ выразиться.

Мы различали антропологическое направлѣніе отъ соціологическаго, ибо каждое изъ нихъ, какъ мы увидимъ дальше, имѣетъ свои особенности, но мы далеки отъ мысли считать указанныя направлѣнія не только враждебными, но и рѣзко обособленными: во-первыхъ, между ними есть много точекъ соприкосновенія; во-вторыхъ, существуетъ много ученыхъ, стоящихъ на рубежѣ между первымъ и вторымъ направлѣніемъ; такъ французскаго криминалиста Тарда одни (Ломброзо, Закревскій) причисляютъ къ антропологамъ, а другіе (Спасовичъ, Пржевальскій)—къ соціологамъ; знаменитаго ученика Ломброзо, профессора Ферри, считаютъ весьма виднымъ представителемъ антропологической школы, а между тѣмъ онъ признаетъ преступленіе не только біологическимъ, но и социальнымъ явленіемъ, важнѣйшій трудъ его носитъ названіе уголовной соціологіи, онъ членъ международнаго союза уголовного права, основаннаго соціологами, и цѣли этого союза признаетъ тождественными съ тѣми цѣлями, которыя преслѣдуетъ антропологическая школа; наконецъ, въ-третьихъ, оба указанные направлѣнія не являются чѣмъ то законченнымъ и установившимся; ростъ ихъ идетъ непрерывно и принимаетъ форму тѣснаго сближенія, ибо отъ своихъ первоначальныхъ притязаній совершенно исключить изъ науки юридическую сторону преступленія и наказанія, а также дать преступности исключительно біологическое объясненіе—антропологи мало по малу отступаютъ, въ нападкахъ же своихъ на строго-классическую доктрину они сходятся съ криминалистами соціологами.

Такимъ образомъ, антропологическое и соціологическое направлѣніе, не сливаясь совершенно, становятся все болѣе и болѣе родственными, что и даетъ возможность при разборѣ многихъ вопросовъ говорить объ этихъ направлѣніяхъ одновременно.

Теперь, приступая къ оцѣнкѣ новыхъ ученій по существу, мы прежде всего считаемъ необходимымъ отмѣтить то интересное обстоятельство, что оцѣнка этихъ ученій въ литературѣ, особенно же въ нашей отечественной, по большей части страдаетъ неопредѣленностью, а подчасъ и противорѣчіями. Такъ, профессоръ Сергѣевскій въ статьѣ своей: „Основные вопросы наказанія въ новѣйшей литературѣ“ относится къ новымъ ученіямъ весьма пессимистически и дѣлаетъ по ихъ адресу цѣлый рядъ ироническихъ замѣчаній и упрековъ; совершенно неожиданнымъ поэтому является заключеніе его статьи, гдѣ послѣ отрицательной оцѣнки новаго направлѣнія авторъ тѣмъ не менѣе

заявляеть, что въ этомъ направленіи „со всѣми его ошибками и неизбежной путаницей заключается источникъ мудрости и свѣта, источникъ новыхъ знаній въ пользу человѣчества и славу науки“. Подобную же непослѣдовательность мы находимъ въ статьѣ В. Д. Спасовича: „Новыя направленія въ наукѣ уголовного права“. Относительно антропологической школы авторъ призналъ, что эта школа не дала никакихъ положительныхъ результатовъ, а относительно соціологовъ (въ лицѣ Тарда) замѣтилъ, что ихъ идеи скорѣе блестящи, чѣмъ солидны; однако же въ концѣ своей работы авторъ утверждаетъ, что новое движеніе въ уголовномъ правѣ является могучимъ, что этимъ движеніемъ открыты новые горизонты, и что въ непродолжительномъ времени вся область уголовного права и процесса явится въ до неузнаваемости новымъ видѣ. Не чужды противорѣчій и обстоятельный трудъ объ антропологической школѣ профессора Вульфберга. Въ первой части этого труда авторъ ставитъ въ заслугу новой школѣ то обстоятельство, что она выработала вспомогательныя уголовному праву дисциплины; во второй же части уже отрицается и эта заслуга и значеніе указанныхъ дисциплинъ.

Мы думаемъ, что уже на основаніи приведенныхъ примѣровъ можно сказать, что новыя теченія въ уголовномъ правѣ имѣютъ чрезвычайно серьезное значеніе; очевидно, они дали такую массу важнаго матеріала и настолько потрясли предшествовавшее имъ научное міросозерцаніе, что уяснить себѣ ихъ значеніе, не впадая въ противорѣчія, найти точки соприкосновенія и примиренія между старымъ и новымъ—оказывается чрезвычайно затруднительнымъ.

Тѣмъ не менѣе обязанность выработать себѣ опредѣленный взглядъ на новое движеніе въ наукѣ лежитъ на каждомъ криминалистѣ. Даже самые ожесточенные противники этого движенія признаютъ, что оно дало рядъ вѣрныхъ критическихъ замѣчаній относительно старой доктрины и поколебало многіе изъ устоевъ, на которыхъ эта доктрина покоилась; далѣе, борьба между представителями разныхъ ученій идетъ до сихъ поръ, хотя и чужда прежняго ожесточенія; стоять въ сторонѣ отъ нея едва-ли удобно; каждый криминалистъ въ такую эпоху долженъ прямо и смѣло выставить знамя со своимъ научнымъ *sicredo* и стать въ ряды тѣхъ, на сторонѣ которыхъ онъ признаетъ научную правду. А для этого прежде всего необходимо посчитаться съ новыми ученіями и уяснить себѣ ихъ значеніе.

Мы такимъ образомъ совершенно расходимся во взглядахъ съ криминалистомъ Набоковымъ, который недавно въ своей вступительной лекціи во имя принципа раздѣленія труда между юристами, соціологами и натуралистами, а также въ виду отсутствія у насъ систематизаціи юридическихъ знаній, предлагалъ не увлекаться стремленіями въ новыя интересныя области, куда проложили путь Ломброзо, Ферри, Гарофало и др. Углубиться въ эти области можетъ заставить не только „самолюбивое желаніе наклеить надъ своими изслѣдованіями ярлыкъ „естественно-научныя“, какъ это думаетъ г. Набоковъ; идти туда можетъ также заставить стремленіе къ истинѣ и желаніе видѣть изучаемую науку освѣженною притокомъ живой воды новыхъ ученій, если въ этихъ ученіяхъ по изслѣдованію дѣйствительно окажется живая вода.

Вотъ тѣ предвѣтельные замѣчанія, которыя мы считали необходимымъ сдѣлать до разбора новыхъ ученій по существу. Обратимся теперь къ этому разбору.

Какія бы работы мы ни начали разсматривать, антропологическія или соціологическія, и тамъ и здѣсь сразу бросается въ глаза основная черта новыхъ направленій, что они совершенно отъзываются отъ метафизическихъ апріорныхъ построеній, вмѣняя ихъ въ смертный грѣхъ прежней классической школы; статистика, опытъ и по возможности всестороннее изученіе міра преступниковъ, а также способствующихъ развитію преступности соціальныхъ условий,— вотъ идеаль, который поставили себѣ новаторы. Правда, на практикѣ данный идеаль часто не осуществлялся и его носители впадали въ крайности: пользованіе статистическими данными часто оказывалось одностороннимъ; ихъ подгоняли къ какой нибудь предвзятой идеѣ и такимъ образомъ на положительной, повидимому, почвѣ воскрешали метафизику; затѣмъ, проводя аналогію между соціальными явленіями и явленіями естественно историческими, эти явленія иногда въ пылу научнаго увлеченія отождествляли, результатомъ чего являлись такіе очевидные абсурды, какъ, на примѣръ, признаніе со стороны Ломброзо преступности въ мірѣ неодушевленномъ, въ мірѣ растений; наконецъ, даже данныя, добытыя положительнымъ методомъ, нерѣдко подвергались совершенно произвольному толкованію, благодаря чему изслѣдователи, считая открытые ими факты эмпирическими законами, на дѣлѣ давали лишь смѣлыя гипотезы. Вотъ тѣ отрицательныя данныя, которыя, не составляя постояннаго элемента въ работахъ но-

ваторовъ, тѣмъ не менѣе нерѣдко тамъ встрѣчаются. Должно ли это вести къ огульному осужденію новаго движенія? Намъ кажется, что нѣтъ: преувеличенія, увлеченія, нѣкоторая односторонность,—все это неизбѣжные спутники горячей борьбы во имя идеи, какова бы она ни была, разъ эта идея является новой и съ бою должна пролагать себѣ дорогу въ неизслѣдованныхъ еще областяхъ; во время борьбы трудно быть спокойнымъ, объективнымъ и безпристрастнымъ; отсюда и возможность всякихъ ошибокъ. Въ особенности же указанное явленіе имѣетъ мѣсто, когда дѣло касается вопросовъ не отвлеченныхъ, а животрепещущихъ, жизненныхъ, связанныхъ съ массою злободневныхъ интересовъ, а именно такимъ является вопросъ о преступности и мѣрахъ борьбы съ нею. Не даромъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ криминалистовъ нашего времени профессоръ Францъ Листъ выговариваетъ себѣ свободу измѣнять нынѣ высказываемые имъ взгляды и указываетъ, что, строя эти взгляды на эмпирической основѣ жизненныхъ явленій, онъ „не находится въ счастливомъ положеніи тѣхъ диалектиковъ, которые изъ одного апріорнаго, произвольно взятаго понятія, конечно, могутъ выстроить зданіе въ одномъ стилѣ“.

Поэтому, оставивъ въ сторонѣ многія частныя, противорѣчивыя построенія сторонниковъ новаго направленія въ наукѣ уголовного права, мы ограничимся ихъ кардинальными положеніями. Первое изъ нихъ мы уже изложили: это введеніе въ уголовное право экспериментальнаго метода и окончательное упраздненіе въ немъ метафизики. Такое положеніе на нашъ взглядъ заслуживаетъ полнаго одобренія, ибо, какъ справедливо указываютъ новаторы, уголовное право слишкомъ много вдавалось въ абстрактныя построенія, игнорируя жизненную сторону вопроса о преступности. По словамъ извѣстнаго бельгійскаго криминалиста Прэнса, до сихъ поръ „для науки уголовного права преступникъ былъ абстрактнымъ типомъ, а не живымъ, дѣйствующимъ челоувѣкомъ, преступленіе было не актомъ реальной жизни, а юридической формулой, внесенной въ кодексъ, наконецъ, наказаніе являлось теоретической системой, принятой учеными, которые не считались съ природой преступленія“. Еще болѣе ярко проводитъ подобную же мысль Lammasch, имѣя въ виду главнымъ образомъ положеніе науки уголовного права въ Германіи. Онъ указываетъ, что „классическая криминальная юриспруденція, избирая предметомъ своихъ изслѣдованій преимущественно юридическія понятія преступленія и наказанія и ихъ логическую конструкцію, упу-

скала изъ виду, что преступленіе и наказаніе существуютъ и проявляются въ мірѣ реальномъ (der Thatsachen); благодаря этому отдѣльные изслѣдователи, доводя до крайности ошибку своихъ предшественниковъ, дошли до современной схоластики, такъ мѣтко окрещенной Герингомъ „юриспруденціей понятій“. Авторъ настаиваетъ на необходимости изучать факты физической и психической жизни, лежащія въ основѣ понятій преступления и наказанія; только тогда, по его мнѣнію, изученіе преступности перестанетъ быть одностороннимъ и она будетъ изучена въ совокупности ея проявленій, такою, какою она является въ дѣйствительности.

Соглашаясь съ указаніями приведенныхъ авторовъ, мы думаемъ, что реформа въ области уголовного права была необходимой, но въ то же самое время мы отнюдь не допускаемъ, что вѣковая работа человеческой мысли, направленная на изученіе преступленія, какъ отвлеченнаго юридическаго понятія, была безплодной; преступленіе, являющееся посягательствомъ на охраняемый правомъ интересъ, какъ фактъ, измѣняющій юридическую природу извѣстныхъ отношеній, можетъ быть разсматриваемо съ точки зрѣнія этихъ отношеній, съ точки зрѣнія т. сказ. технической; въ этомъ отношеніи заслуги прежней школы неоспоримы: она формулировала цѣлый рядъ общихъ принциповъ, а также много сдѣлала для техники въ области судебной практики и законодательства. Если нѣкоторые изъ антропологовъ и пытались оспаривать эти заслуги, если они и выражали желаніе выбросить за бортъ все до сихъ поръ сдѣланное въ уголовномъ правѣ, то это было лишь увлеченіе, имѣвшее мѣсто на первыхъ порахъ, въ разгарѣ борьбы и страстей. Теперь же, за самыми немногими исключеніями, позитивисты-новаторы, какъ антропологи въ лицѣ Ферри и Гарофало, такъ и социологи въ лицѣ, напримѣръ, Листа, Прэнса и Ламмаша—не отрицаютъ заслугъ предшествовавшей школы; они признаютъ плодотворными ранѣе сдѣланныя изслѣдованія, но указываютъ, что прекрасно разработана лишь одна сторона задачи, а другая до сихъ поръ остается открытой.

На эту то именно сторону и обратила вниманіе новая школа. Она справедливо указала, что въ преступленіи нужно видѣть не только отвлеченное юридическое понятіе, но и социальное жизненное явленіе; упуская это изъ виду и оперируя надъ преступленіемъ, какъ надъ исключительно абстрактнымъ понятіемъ, мы неизбѣжно впадаемъ въ односторонность и схоластику; наши выводы въ этомъ случаѣ теряютъ подѣ

собой жизненную почву; они висятъ въ воздухѣ и могутъ оказаться эфемерными, не взирая на стройность построения и послѣдовательность отвлеченно-логическаго разсужденія. Вотъ между прочимъ одна изъ причинъ того факта, что юстиція въ своихъ отправленіяхъ часто являлась слишкомъ формальной и безличной, и что цѣлый рядъ научныхъ системъ терпѣлъ крушеніе при столкновеніи съ жизнью. Новая школа желаетъ, чтобы ея выводы были болѣе устойчивыми и односторонность изученія признаетъ крупнымъ недостаткомъ, съ которымъ необходимо бороться; поэтому новая школа вступаетъ на путь изученія преступнаго міра и условій общественной среды, наиболѣе оказывающихъ вліяніе на возникновеніе и развитіе преступности; она такимъ образомъ желаетъ, введя массу новаго и свѣжаго матеріала, вдохнуть новую жизнь въ науку, изучающую преступленіе и наказаніе.

Плодотворности указаннаго пути не отрицали и нѣкоторые изъ представителей классической школы, но одни изъ нихъ, какъ напримеръ профессоръ Духовской, начертавъ стройную программу реформы въ области уголовного права, не осуществили этой программы даже въ собственныхъ дальнѣйшихъ трудахъ; другіе, какъ Гольцендорфъ, не рѣшились разстаться съ цѣлностью классическаго міросозерцанія, хотя въ разборѣ отдѣльныхъ вопросовъ не разъ попадали въ коллизію съ этимъ міросозерцаніемъ, ибо ясно сознавали, что абстракціи мало, и что, изучая науку, близко соприкасающуюся съ жизнью, необходимо изучать и эту жизнь въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ; наконецъ, третьи, какъ профессоръ Сергѣевскій, признали невозможнымъ практически осуществить мысль о предлагаемыхъ реформахъ на томъ главнымъ образомъ основаніи, что уголовное право съ одной стороны, а социологія и антропологія — съ другой оперируютъ различными методами. Но вѣдь самый вопросъ и заключался въ томъ, чтобы внести въ науку уголовного права новый методъ и такимъ путемъ расширить ея горизонты; поэтому ссылка на нынѣ существующую разницу методовъ, на нашъ взглядъ, не можетъ сохранить за собою доказательной силы. Что эта ссылка погрѣшила противъ истины, доказала сама жизнь: появился рядъ замѣчательныхъ работъ, осуществляющихъ идеи новаго направленія и въ то же время въ полномъ смыслѣ слова относящихся къ уголовному праву, — это работы Листа, Прэнса, Гарро, Фойницкаго и др. ученыхъ, вошедшихъ въ составъ членовъ международнаго союза уголов-

наго права; мало этого, въ самый статутъ указаннаго союза внесены такія два важнѣйшія положенія: 1) цѣль уголовного права составляетъ борьба съ преступностью, разсматриваемой какъ общественное явленіе и 2) въ виду этого наука уголовного права и уголовные законы должны считаться съ антропологическими и соціологическими изслѣдованіями о преступности и преступникахъ. Принятіе этихъ двухъ положеній массою криминалистовъ, примкнувшихъ къ союзу, на нашъ взглядъ, является блистательнымъ доказательствомъ того, что относительно своей главной, руководящей идеи новаторы одержали полную побѣду.

Пойдемъ далѣе и для болѣе правильной оцѣнки ученій новой школы посмотримъ, съ какими реальными условіями жизни приходится считаться въ наши дни наукѣ уголовного права.

Во всѣхъ (кромѣ Англіи) цивилизованныхъ государствахъ, гдѣ правильно поставлена уголовная статистика, она констатировала за послѣднее время непрерывный ростъ преступности вообще и страшное усиленіе рецидива въ частности. Въра въ цѣлебную силу существующей карательной системы не могла не пошатнуться, и общество стало лицомъ къ лицу съ вопросомъ, что дѣлать въ виду явной опасности, какъ съ нею бороться?

Старая доктрина не могла дать отвѣта на этотъ вопросъ, ибо она привыкла считаться съ преступленіемъ, какъ съ готовымъ фактомъ, и оцѣнивать его послѣдствія, а здѣсь нужно было обратить вниманіе на причины факта, нужно было поработать съ помощью методовъ, которые до сихъ поръ были чужды уголовному праву. До сихъ поръ боролись съ преступленіями, какъ съ отдѣльными явленіями и притомъ исключительно какъ съ проявленіями злой воли индивида, теперь же сдѣлалось очевиднымъ и нагляднымъ, что такого образа дѣйствій недостаточно, что такимъ путемъ нельзя достигнуть прочныхъ результатовъ.

Передъ криминалистами ясно обрисовалась задача выработать новый образъ дѣйствій для болѣе успѣшной борьбы съ преступностью, со дня на день растущей и являющейся грознымъ соціальнымъ явленіемъ.

За рѣшеніе этого наболѣвшаго вопроса и взялась новая школа уголовного права. Не желая повторить какую нибудь ошибку прошлаго, новаторы прежде всего бросили ретроспективный взглядъ на отношенія, существовавшія между обществомъ и преступниками; они вы-

несли убѣжденіе, прекрасно сформулированное извѣстнымъ криминалистомъ Ферри въ слѣдующихъ словахъ: „Въ средніе вѣка видѣли въ преступномъ человѣкѣ лишь преступника, забывая о человѣкѣ; классическая школа, напротивъ того, видѣла въ преступномъ человѣкѣ лишь человѣка, забывая о преступникѣ; позитивная же школа признала необходимымъ возстановить нарушенное равновѣсіе, изучая преступнаго человѣка и одновременно уважая права человѣческой личности въ преступникѣ, а права общества въ честныхъ людяхъ“. Осуществляя эту идею на практикѣ, новаторы отказались отъ всякаго отвлеченнаго сентиментализма, а также отъ всякой ненужной жестокости; они стали проповѣдовать спокойную, чуждую увлеченій борьбу съ преступностью, основанную на идеѣ цѣлесообразности. Поэтому прежде всего они сочли необходимымъ ознакомиться съ причинами или факторами преступности.

Основываясь на безспорныхъ положеніяхъ, что нѣтъ ни дѣйствія, ни явленія безъ причины, и что, не зная причинъ и не воздѣйствуя на нихъ, нельзя измѣнить и слѣдствій, реформаторы постарались опредѣлить ту сумму разнообразныхъ взаимодействующихъ причинъ, результатомъ которыхъ является измѣняющаяся и сильно возрастающая въ наши дни преступность. Статистика въ этой области дала чрезвычайно поучительныя данныя. Съ одной стороны оказалось, что преступность зависитъ отъ цѣлаго ряда социальныхъ условій, въ особенности же отъ экономическихъ, ибо годы, напримѣръ, неурожая влекутъ обыкновенно за собой увеличеніе преступленій противъ имущества; съ другой стороны установлена нѣкоторая зависимость числа преступленій и отъ условій космическихъ, особенно въ сферѣ преступленій противъ личности и противъ нравственности; наконецъ, разностороннія наблюденія надъ преступнымъ міромъ, привели изслѣдователей къ убѣжденію, что на совершеніе преступленій оказываетъ сильное вліяніе та или иная психофизиологическая конструкція дѣятелей. Старая теорія, сводившая всю преступность исключительно къ злой волѣ преступника, оказалась такимъ образомъ несостоятельной; путемъ всесторонняго изслѣдованія пришли къ выводу, что факторы преступности весьма разнообразны. Правда, что и въ этой области далеко еще до окончательныхъ, согласно принимаемыхъ выводовъ; одни стоятъ за такую классификацію факторовъ, другіе—за иную; одни придаютъ большее значеніе факторамъ социальнымъ, другіе—антропологическимъ; мы, вслѣдъ за

Листомъ, Фойницкимъ, Прэнсомъ и другими, склонны думать, что преобладающую роль играютъ соціальныя факторы, но объ этомъ подробнѣе мы скажемъ дальше, пока же ограничимся указаніемъ на тотъ знаменательный фактъ, что изученіе факторовъ преступности да теко подвинулось впередъ, и что заслугу новаторовъ въ области даннаго вопроса признають даже крайніе приверженцы старой доктрины.

Изучая факторы преступности, новая школа исходила изъ убѣжденія, что для успѣшной борьбы съ преступностью необходимо воздѣйствовать на эти факторы. Наказаніе исключительно направляется на личность дѣятели, на личные факторы преступности, но оно не оказываетъ никакого дѣйствія на другія категоріи факторовъ, значитъ помимо наказанія необходима система другихъ мѣръ, мѣръ предупредительныхъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Борьба съ народнымъ невѣжествомъ и предрассудками путемъ широкаго распространенія образованія въ массахъ, борьба съ алкоголизмомъ, который является однимъ изъ бичей современнаго человѣчества, всякаго рода мѣры для доставленія работы людямъ, въ ней нуждающимся, попеченіе о сиротахъ, заброшенныхъ дѣтяхъ и дѣтяхъ преступниковъ, стремленіе улучшить современное экономическое положеніе пролетаріата, доставленіе народу разумныхъ развлеченій и т. п.,— вотъ вопросы, которые выдвинуты нынѣ на первый планъ, вотъ задачи, достиженіе которыхъ должно успѣшно отразиться на области дѣйствій правосудія. Конечно, задача не легка и справедливо указаніе, что самые смѣлые реформаторы не могутъ повернуть по своему усмотрѣнію теченія жизни; но важно и то, если будетъ выполнена хоть часть программы и прогрессія преступности изъ возрастающей превратится въ убывающую. Даже небольшой успѣхъ въ этой области явится прекраснымъ подтвержденіемъ одного изъ девизовъ новой школы: „лучше предупреждать, чѣмъ карать“.

Но одного предупрежденія въ свою очередь недостаточно; опытъ жизни доказываетъ, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, на какой бы ступени цивилизаціи они ни стояли, существуетъ преступность въ тѣхъ или иныхъ формахъ. Раньше мечтали, что съ улучшеніемъ соціальнаго строя преступность можетъ исчезнуть; теперь, когда изученіе факторовъ преступности далеко подвинулось впередъ, такіа мечта оказываются утопией: во-первыхъ, улучшение соціальнаго строя, какъ дѣло рукъ человѣческихъ, имѣетъ свои предѣлы; оно не можетъ быть доведено до такого совершенства, чтобы организація человѣче-

скаго общества не имѣла рѣшительно никакихъ пятенъ, а только въ послѣднемъ случаѣ совершенно исчезли бы соціальныя факторы, порождающіе преступность; во-вторыхъ, кромѣ соціальныхъ факторовъ существуютъ еще космическіе и антропологическіе, на которыхъ улучшение соціального строя можетъ отражаться лишь косвенно; можно, слѣдовательно, стремиться къ измѣненію и уменьшенію преступности, уничтожить же ее невозможно; преступность будетъ существовать уже потому, что человѣчество не можетъ быть выкроено по одному идеальному шаблону; оно всегда будетъ составлять пеструю массу индивидовъ съ разнообразными страстями и всякими особенностями и дефектами психофизиологической организаціи; личныхъ такъ сказать факторовъ преступности упразднить нельзя, а поэтому, пока люди будутъ людьми, а не ангелами, будетъ существовать и преступность.

Новая школа уголовного права, отстаивая самую широкую систему предупредительныхъ мѣръ, не закрываетъ глазъ на дѣйствительность и не думаетъ, чтобы этими мѣрами можно было ограничиться, не прибѣгая къ мѣрамъ карательнымъ; она признаетъ необходимость и неизбѣжность наказанія, но во взглядахъ на сущность и организацію послѣдняго совершенно расходится съ прежней школой.

Преступникъ для прежней школы былъ отвлеченнымъ понятіемъ; налагая наказаніе за то или иное преступное дѣйствіе, она не интересовалась личностью преступника; всѣ преступники въ ея глазахъ являлись одинаковыми носителями злой воли, требующей возмездія; если и налагалось болѣе высокое наказаніе за рецидивъ, то и въ этомъ случаѣ требовался лишь голый фактъ повторенія преступления послѣ отбитія наказанія вполнѣ или въ части, тогда какъ, если бы обращалось должное вниманіе на личность преступника, прежде всего долженъ былъ бы ставиться вопросъ о томъ, какія причины побудили данное лицо снова впасть въ преступленіе, что это за лицо и является ли оно особенно опаснымъ для общества ремесленникомъ, спеціалистомъ преступленія.

Поставивъ на первый планъ идею охраны общества отъ преступленій, новая школа отвергла въ наказаніи принципъ возмездія, столь тонко прикрываемый разными мягкими названіями, какъ на-примѣръ, „необходимое искупленіе“, „воздающая справедливость“ и т. п.; наказаніе, по ея мнѣнію, должно бороться съ личными факторами преступности, поскольку это возможно; оно поэтому должно

преслѣдовать много цѣлей, но главную изъ нихъ должна быть цѣль доставить обществу возможную безопасность. Наказаніе должно быть цѣлесообразнымъ, а поэтому въ каждомъ данномъ случаѣ правосудіе должно считаться съ тѣмъ, какого рода личность передъ нимъ находится. Правосудію въ достиженіи этой задачи должна помочь наука, изучая міръ преступниковъ и его особенности.

Труды въ этомъ направленіи уже сдѣланы; главная заслуга здѣсь принадлежитъ представителямъ итальянской антропологической школы; но къ сожалѣнію послѣдніе слишкомъ поспѣшно обобщили обрабатываемыя ими данныя и признали рѣшенной всю задачу, тогда какъ серьезныя критическія работы, посвященныя разбору даннаго рѣшенія, доказали, что въ немъ масса погрѣшностей и что положительныхъ данныхъ для серьезно обоснованныхъ научныхъ выводовъ еще слишкомъ мало.

Тѣмъ не менѣе начало изученію преступнаго міра положено, причѣмъ выяснилось, что этотъ міръ не представляетъ единства и однообразія, что преступники не могутъ быть рассматриваемы по одному и тому же шаблону, какъ ошибочно ихъ рассматривала прежняя школа. Появилась идея классификаціи преступниковъ и организациі мѣръ борьбы, сообразно съ этой классификаціей; данная идея еще не получила полного и окончательнаго развитія; важность классификаціи признана, но единства этой классификаціи еще нѣтъ: Ломброзо, Ферри, Листъ, Фойницкій и др. предложили разныя классификаціи; конгрессы криминальной антропологіи принимали одну, международный союзъ уголовного права другую, новѣйшіе законодательные проекты отчасти воспроизводятъ третью. Но важно уже и то, что самый принципъ классификаціи признанъ, и что теперь строго отличаютъ преступность острую, называемую также случайной, и преступность хроническую (привычную, профессиональную).

Большую будущность должно имѣть также указанное Тардомъ дѣленіе преступности на сельскую и городскую; если въ будущемъ законодательства станутъ считаться съ этимъ дѣленіемъ, это будетъ, по нашему глубокому убѣжденію, одна изъ весьма плодотворныхъ реформъ вообще, а для государствъ съ преобладающимъ сельскимъ населеніемъ—въ особенности. Тогда прекратится то ненормальное явленіе, что попадающій въ тюрьму горожанинъ, въ большинствѣ случаевъ пролетарій, привыкшій жить и работать въ тѣсныхъ, закрытыхъ и антисанитарныхъ помѣщеніяхъ, мало измѣняетъ внѣшнія

условія своей жизни, тогда какъ сельскій обыватель, оторванный отъ простора полей и привычки жить и работать на открытомъ воздухѣ, попадая въ тюрьму, страдаетъ отъ рѣзкаго измѣненія въ режимѣ своей жизни и мало находитъ утѣшенія даже въ тюремномъ трудѣ, ибо трудъ этотъ въ большинствѣ случаевъ ему новъ, непривыченъ и непригоденъ для будущей жизни на свободѣ среди деревенской обстановки.

Какіе же практическіе выводы слѣдуютъ изъ признанія необходимости классифицировать преступниковъ?—Выводы очень важны: въ зависимость отъ классификаціи новая школа ставитъ организацію и примѣненіе какъ системы наказаній, такъ и другихъ мѣръ безопасности. Первый случай здѣсь—это тотъ, когда преступное дѣяніе совершенно лицомъ невмѣняемымъ; классическая школа, исходя изъ положенія, что дѣяніе невмѣняемаго не составляетъ преступления, исключала эти случаи изъ сферы своего вѣдѣнія и за небольшими исключениями отпускала такого невмѣняемаго на свободу, причемъ онъ, естественно, могъ являться постоянной угрозой для общественной безопасности. Новая школа взглянула на дѣло иначе: не признавая возможнымъ наказывать невмѣняемыхъ, она въ видахъ охраны общества потребовала, чтобы въ законодательствахъ были формулированы мѣры изолированія подобныхъ лицъ, причемъ съ своей стороны предложила устройство учреждений для содержанія и лѣченія лицъ ненормальныхъ вообще и особыхъ пріютовъ для совершившихъ преступленіе алкоголиковъ въ частности; вернуться назадъ въ общество лицо изъ данной категоріи можетъ только послѣ того, когда особо составленная комиссія признаетъ, что оно совершенно поправилось или безусловно не можетъ угрожать общественной безопасности.

Далѣе, идея классификаціи преступниковъ выражается въ томъ, что, имѣя дѣло съ преступникомъ вмѣняемымъ, задаются вопросомъ, случайный ли это преступникъ, новичекъ въ области преступления, или упорный врагъ общества, преступникъ по профессіи; при этомъ для большей правильности вывода обращаютъ вниманіе какъ на свойство мотивовъ, вызвавшихъ извѣстное преступленіе, такъ и на способы его совершенія; въ зависимости отъ всѣхъ этихъ данныхъ и опредѣляется наказаніе.

Этотъ пунктъ мы считаемъ центральнымъ въ ученіи новой школы и особенно плодотворнымъ для будущаго: гуманность классической школы была нѣсколько односторонней, ибо она главнымъ образомъ

отражалась на болѣе тяжкихъ и опасныхъ преступникахъ, какъ на-примѣръ, при системѣ поглощенія большимъ наказаніемъ меньшихъ, когда субъектъ признанъ виновнымъ въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, а также при господствѣ принципа, что и рецидивистамъ не слѣдуетъ измѣнять родъ наказанія, переходя отъ нисшаго къ болѣе суровому высшему; сюда же относится и частое примѣненіе къ рецидивистамъ краткосрочныхъ наказаній лишеніемъ свободы. Наоборотъ, къ лучшей части преступнаго люда старая доктрина относилась весьма сурово; она, исходя изъ идеи возмездія, проповѣдывала, что каждое преступленіе безусловно должно быть наказано, тогда какъ новая школа признаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ возможнымъ лишь условное осужденіе (въ виду случайнаго характера преступленія, отсутствія низкихъ и позорныхъ мотивовъ, въ виду посильнаго вознагражденія потерпѣвшаго и т. п.). Затѣмъ, система правопораженій въ большинствѣ кодексовъ была построена такъ, что правопораженіе постигало одинаково и упорнаго злодѣя и лицо, совершившее извѣстное дѣяніе въ первый разъ въ порывѣ страсти или подъ давленіемъ особенно неблагоприятно сложившихся обстоятельствъ; наконецъ, такое же нивелированіе замѣчалось въ области прочихъ наказаній, на-примѣръ тюрьмы, куда съ одобренія старой доктрины наравнѣ съ ворами и мошенниками попадали лица, совершившія убійство по неосторожности, виновники т. наз. формальныхъ преступленій и другихъ дѣяній, чуждыхъ позорнаго характера.

Новая школа пошла совершенно обратнымъ путемъ; она, классифицируя преступниковъ и обращая серьезное вниманіе на мотивы ихъ дѣяній, проповѣдуетъ строгость къ худшимъ изъ преступнаго люда, къ упорнымъ и опаснымъ врагамъ общественнаго порядка; но та же школа несетъ проповѣдь истиннаго гуманизма туда, гдѣ тотъ гуманизмъ наиболѣе умѣстенъ и не можетъ вредить общественнымъ интересамъ; она противъ злоупотребленія тюрьмой и другими современными карательными мѣрами, отъ которыхъ старается уберечь всѣхъ новичковъ на преступномъ пути и лицъ, дѣянія которыхъ не свидѣтельствуютъ о нравственной испорченности.

Въ виду изложенныхъ соображеній, мы признаемъ несправедливыми иногда высказываемыя въ нашей литературѣ утвержденія, будто въ трудахъ новой школы можно искать чего угодно, кромѣ гуманности; мы стоимъ на совершенно обратной точкѣ зрѣнія, ибо не считаемъ

истинной гуманностью отвлеченный сентиментализмъ, котораго дѣйствительно чуждается новая школа.

Принимая программу этой послѣдней въ томъ видѣ, какъ она нами изложена, мы съ своей стороны сдѣлаемъ лишь одну оговорку: на объективную сторону преступленій должно быть обращено большее вниманіе, чѣмъ это дѣлаютъ новаторы, внесшіе столь много цѣннаго въ обработку субъективной стороны. Мы думаемъ, что это пробѣль, который скоро будетъ восполненъ, ибо и теперь новаторы не допускаютъ условнаго осужденія по отношенію къ тяжкимъ преступленіямъ, а слѣдовательно косвенно признаютъ значеніе и объективной стороны преступления. Но необходимо и прямое признаніе: во-первыхъ, по объективной сторонѣ можно отчасти судить и о субъективной; на примѣръ, кража и убійство съ цѣлью ограбленія одинаково проникнуты корыстнымъ мотивомъ, но послѣднее изъ этихъ преступленій, являясь посягательствомъ на неизмѣримо болѣе цѣнное правовое благо, чѣмъ въ первомъ случаѣ, въ то же время даетъ настолько серьезныя указанія на жестокость и нравственную испорченность дѣятеля, что этого послѣдняго необходимо признать опаснымъ врагомъ общества, хотя бы онъ совершилъ преступленіе и въ первый разъ. Далѣе, интересы самого же общества требуютъ, чтобы существовала гарантія индивидуальной свободы, выражающаяся въ принципѣ: „*nullum crimen, nulla poena sine lege*“, а этотъ послѣдній всецѣло держится на признаніи важности объективной стороны преступленія: какъ бы лицо ни казалось опаснымъ, какими бы зловѣщими признаками оно ни отличалось, его нельзя подвергнуть наказанію или иной мѣрѣ аналогичнаго по своему значенію характера, пока оно на дѣлѣ не обнаружитъ своихъ преступныхъ наклонностей; иначе мы получимъ „чтеніе въ сердцахъ“, гораздо болѣе угрожающее обществу, чѣмъ свободное существованіе въ немъ опасныхъ индивидовъ. Это, повидимому, понимаютъ, хотя иногда прямо и не высказываютъ, сторонники новой школы; мы думаемъ такъ потому, что представители антропологической вѣтви этой школы даже на первыхъ порахъ увлеченій открытымъ ими преступнымъ типомъ (о которомъ рѣчь будетъ далѣе) не допускали возможности наказывать до совершенія преступления лицъ, носящихъ хотя бы и всѣ признаки даннаго типа, а для признанія прирожденной преступности непременнымъ условіемъ помимо прочаго ставили наличность рецидива. Наконецъ, наиболѣе ярко важность объективной стороны преступ-

ленія выступаетъ передъ нами, если мы обратимъ вниманіе на интересы потерпѣвшаго: лицо, потерпѣвшее отъ преступленія, имѣетъ право требовать отъ суда, какъ носителя государственной власти, чтобы этотъ послѣдній сдѣлалъ все возможное для возстановленія интересовъ, нарушенныхъ преступленіемъ, а эти интересы всецѣло опредѣляются объективной стороной преступленія, игнорировать которую очевидно невозможно. Если потерпѣвшій понесъ матеріальный ущербъ, то для удовлетворенія его достаточно возмѣщенія этого ущерба, наказаніе же исключительно можетъ имѣть въ виду охрану общественныхъ интересовъ; но, если потерпѣвшій понесъ ущербъ моральный, то въ данномъ случаѣ компенсаціей ему можетъ послужить только наказаніе виновнаго; это наказаніе, очевидно, должно сообразоваться съ объективной стороной преступленія, а не только съ соображеніями относительно общественнаго интереса.

Мы такимъ образомъ раздѣляемъ точку зрѣнія новаторовъ, въ силу которой карательная дѣятельность государства должна имѣть главною цѣлью охрану общественныхъ интересовъ путемъ цѣлесообразной борьбы съ преступностью, но въ то же время мы считаемъ необходимымъ относиться съ полнымъ вниманіемъ къ объективной сторонѣ преступленія и къ правамъ потерпѣвшаго; только въ этомъ случаѣ судъ, способствуя развитію и укрѣпленію въ гражданахъ чувства законности, даетъ обществу полное удовлетвореніе и будетъ имѣть твердую точку опоры для борьбы съ произволомъ и самоуправствомъ.

Мы до сихъ поръ говорили о новомъ движеніи въ наукѣ уголовного права какъ о чемъ то единомъ, не разбирая пунктовъ разногласія, благодаря которымъ новая школа распадается на два (хотя и родственныхъ) направленія: антропологическое и социологическое. Теперь намъ необходимо разсмотрѣть важнѣйшіе изъ этихъ пунктовъ; центральнымъ изъ нихъ мы считаемъ ученіе антропологовъ о преступномъ типѣ и прирожденной преступности. Это ученіе было выдвинуто инициаторомъ прогрессивнаго движенія въ наукѣ извѣстнымъ Ломброзо, можно сказать, создавшимъ уголовную антропологию. Его основная идея заключалась въ томъ, что для успѣха въ борьбѣ съ преступностью необходимо всестороннее изученіе преступнаго міра. Приступивъ къ такому изученію и произведя массу взвѣшиваній, снимковъ, разсировъ, наблюденій и вычисленій, Ломброзо пришелъ къ выводу, что среди преступниковъ преобладаетъ особый типъ,

отмѣченный извѣстными рѣзкими чертами физическими и психическими; эти черты преступнаго типа Ломброзо призналъ прирожденными—и такимъ образомъ пришелъ къ выводу, что среди преступниковъ большинство прирожденныхъ, т. е. предназначенныхъ къ преступленію отъ рожденія.

Типъ, выведенный Ломброзо, является чрезвычайно сложнымъ; прежде всего преступникъ изображается какъ человѣкъ съ болѣе низкимъ біологическимъ развитіемъ; онъ имѣетъ рядъ анатомическихъ, психическихъ и патологическихъ особенностей. Съ внѣшней стороны преступники обладаютъ въ строеніи головы и чертахъ лица массой аномалій: малая или клиновидная форма, а также ассиметрія въ строеніи черепа, т. наз. надбровныя дуги, сильно развитыя челюсти, рѣдкіе зубы, скудный ростъ бороды, косоглазіе, безобразно длинныя руки и т. п.; съ внутренней стороны преступники также по большей части являются ненормальными: у нихъ мало развито или совершенно отсутствуетъ нравственное чувство, которое даетъ обыкновенному человѣку сильную точку опоры для подавленія въ себѣ преступныхъ искушеній; далѣе, у нихъ отсутствуетъ предусмотрительность, соображеніе о послѣдствіяхъ, которыя вытекаютъ изъ ихъ дѣяній какъ для нихъ самихъ, такъ и для окружающихъ.

Обсуждая эти особенности и сопоставляя преступниковъ съ одной стороны съ помѣшанными, а съ другой съ дикарями, Ломброзо пришелъ къ заключенію, что въ прирожденномъ преступникѣ скрывается или атавизмъ,—жестокость безпричинная и часто совершенно звѣрская, или нравственное помѣшательство, или послѣдовательная дегенерація, или скрытая эпилепсія, или, наконецъ, соединеніе и смѣшеніе указанныхъ формъ. Ломброзо не отрицаетъ существованія преступниковъ помѣшанныхъ и случайныхъ, но въ основу классификаціи онъ кладетъ найденный имъ типъ прирожденнаго преступника. Послѣдователи и единомышленники Ломброзо признаютъ также существованіе типа прирожденнаго преступника, причемъ % такихъ прирожденныхъ въ общей массѣ преступнаго люда сильно колеблется у отдѣльныхъ изслѣдователей (отъ 20 до 60 %).

Этотъ отправной пунктъ ученія антропологовъ подвергся самой ожесточенной критикѣ и въ настоящее время отвергается не только сторонниками т. наз. классической доктрины, но и криминалистами соціологами. Разница заключается въ томъ, что первые отрицаютъ существованіе преступнаго типа вообще, а вторые говорятъ, что

этотъ типъ существуетъ, но что это не типъ прирожденнаго преступника.

Если мы вспомнимъ глубоко вѣрное замѣчаніе Ферри, что для рѣшенія вопроса о существованіи преступнаго типа необходимо дѣйствительно изучать преступный міръ, а не только разсуждать о немъ въ тиши кабинета, то естественно, что отрицанія преступнаго типа, дѣлаемые съ логически-отвлеченной точки зрѣнія, потеряютъ въ нашихъ глазахъ всякую силу; за или противъ мы можемъ рѣшить вопросъ о преступномъ типѣ только на основаніи результатовъ, полученныхъ компетентными наблюдателями и изслѣдователями тюремной жизни и преступнаго міра. Большинство же послѣднихъ категорически заявляетъ, что достаточно посѣщать тюрьмы—и явится твердое убѣжденіе въ существованіи преступнаго типа и его разновидностей. Прэнсъ, на примѣръ, говоритъ, что при входѣ въ келью тотчасъ и вполне можно отличить рецидивистовъ и даже видъ ихъ,— грабителей, воровъ, убійцъ.

Такимъ образомъ существованіе преступнаго типа утверждается, но это далеко не означаетъ признанія того типа прирожденнаго преступника, который защищаетъ Ломброзо. Во-первыхъ, въ этомъ типѣ смѣшаны такія формы, какъ скрытая эпилепсія и нравственное помѣшательство, тогда какъ, по справедливому указанію профессора Вульфберта, не только соединеніе этихъ формъ, но и существованіе ихъ порознь сильно оспаривается специалистами; во-вторыхъ, внесенная сюда же теорія атавизма грѣшитъ невѣрной аналогіей преступника съ дикаремъ, ибо черты, приписываемыя Ломброзо дикарю, далеко неполнѣ соответвуютъ собранному о дикихъ народахъ этнографическому матеріалу; въ-третьихъ, въ основѣ всей постройки Ломброзо лежитъ чрезмѣрное возвеличеніе закона наслѣдственности, тогда какъ этотъ законъ далеко не является исключительнымъ и находитъ себѣ противовѣсъ въ констатированномъ массою наблюдений законѣ приспособленія къ средѣ; мало того, самый законъ наслѣдственности не имѣетъ роковой силы въ области преступности: недостатки и дурныя наклонности родителей могутъ не только сохраняться или усиливаться въ потомствѣ, но и погашаться, когда качества родителей противоположны; а затѣмъ, если извѣстно, что дѣтямъ передаются отъ родителей извѣстныя органическія черты и предрасположенія, на примѣръ, къ болѣзнямъ, то съ другой стороны весьма сомнительна передача по наслѣдству чертъ приобрѣтенныхъ; по-

слѣднее положеніе можетъ быть подтверждено интересными примѣрами, которые мы находимъ у Прэнса: у родителей, лишившихся руки или ноги, рождаются дѣти, лишенные этого недостатка, у евреевъ, въ теченіе многихъ вѣковъ практикующихъ обрѣзаніе, рождаются дѣти совершенно нормальные и т. п.

Мы не будемъ больше останавливаться на возраженіяхъ, которыя уже сдѣланы Ломброзо или которыя можно ему сдѣлать по поводу его типа прирожденнаго преступника; всѣхъ этихъ возраженій такая масса, что ихъ трудно не только разобрать, но даже перечислить. Мы считаемъ уже на основаніи приведеннаго матерьяла доказаннымъ, что существованіе преступности органической или прирожденной должно быть отвергнуто. Правда, преступность, какъ и всякое другое занятіе, можетъ создать и создаетъ типы; она можетъ наложить на человѣка извѣстныя клейма, многія изъ которыхъ уже въ настоящее время вѣрно указаны антропологами; профессиональные преступники образуютъ особый типическій классъ,—отсюда типъ, также отмѣченный своеобразными чертами, какъ и типы солдата, артиста, каменотеса, священнослужителя и т. п., но все это типы социальныя, а не прирожденные. Преступный типъ создаетъ не природа, а особыя условія преступной жизни, пробуждающей и развивающей отрицательныя стороны человѣческой природы. Такимъ образомъ, не зная, что скажетъ антропология въ будущемъ, въ настоящее время мы должны признать, что ею не доказано существованіе типа прирожденнаго преступника; этотъ типъ мы признаемъ не органическимъ, а социальнымъ.

Въ силу указанныхъ соображеній, мы и второй спорный пунктъ между антропологами и социологами, о сравнительной важности органическихъ и социальныхъ факторовъ, рѣшаемъ въ томъ смыслѣ, что главное значеніе должно быть признано за социальными факторами преступности.

Однако отсюда еще не слѣдуетъ, что антропологию можно выбросить за бортъ, какъ думаютъ нѣкоторые увлекающіеся сторонники классической доктрины. Во-первыхъ, преувеличенные выводы антропологовъ носятъ въ себѣ зерно истины: наследственность, не имѣя того рокового характера, который ей приписали антропологи, все же замѣтно сказывается въ человѣческой жизни, какъ это бесспорно установлено научными данными; затѣмъ, не становясь отъ природы преступникомъ, человѣкъ тѣмъ не менѣе отъ рожденія получаетъ из-

вѣстныхъ психо-фізіологическія особенности, извѣстныхъ предрасположенія; развиваются эти данныя, измѣняются, атрофируются и пр. подъ вліяніемъ соціальныхъ условій, которымъ поэтому мы и придаемъ главное значеніе въ области преступности, подкладка же ихъ все же остается органической. Во-вторыхъ, неоспоримая заслуга антропологовъ заключается въ изслѣдованіи и описаніи жизни и привычекъ преступнаго люда; эти изслѣдованія во многомъ могутъ оказать услугу трудной работѣ правосудія.

Поэтому мы думаемъ, что Ломброзо имѣлъ полное право сказать: „отъ моего труда, можетъ быть, не останется камня на камнѣ, но идея, породившая этотъ трудъ, никогда не погибнетъ“. Эта идея, идея цѣлесообразной борьбы съ преступностью при помощи изученія преступнаго міра, оказалась глубоко жизненной; она вызвала къ жизни антропологическую школу, она усвоена и принята криминалистами соціологами съ той лишь необходимой поправкой, что соціологическая школа потребовала изученія какъ преступнаго міра, такъ и условій среды, среди которой послѣдній живетъ и дѣйствуетъ.

Указаннымъ различіемъ во взглядахъ на преступный типъ и сравнительное значеніе факторовъ преступности еще не устраняется различіе во взглядахъ между антропологической и соціологической вѣтвями новаго движенія; можно указать на вопросы о неопредѣленномъ наказаніи, о правахъ потерпѣвшаго, о подготовкѣ криминалистовъ и т. д.

Но различіе въ этихъ вопросахъ не имѣетъ столь важнаго принципіальнаго значенія, чтобы соглашеніе было невозможнымъ. Мы думаемъ, что со временемъ оно явится, ибо за послѣднее время замѣчается сильное стремленіе къ сближенію между антропологами и соціологами. Какъ мы уже упоминали, антропологи (въ лицѣ ихъ виднѣйшаго представителя Ферри) смягчаютъ крайности своихъ прежнихъ выводовъ и признають своей программу, выставленную соціологами.

Общій очеркъ новыхъ ученій нами законченъ. Мы должны теперь посчитаться съ возраженіемъ, которое обыкновенно дѣлается сторонникамъ новой школы: ихъ часто упрекають въ преувеличеніи заслугъ новаго направленія и въ умаленіи значенія работъ классической школы. Этотъ упрекъ справедливъ по отношенію къ прошлому: вспомнимъ заявленныя новой школой на первыхъ порахъ притязанія упразднить совершенно уголовное право и замѣнить его

новыми дисциплинами. По отношенію же къ настоящему—дѣло иное: указанныя притязанія мало по малу исчезаютъ; они были вызваны горячимъ увлеченіемъ вновь открытыми горизонтами и полемическимъ задоромъ, но, когда новое движеніе стало спокойнѣе и труды новаторовъ подверглись серьезному обсужденію, верхъ взяла здравая научная мысль, которая неизбежно установила значеніе для уголовного права прежнихъ юридическихъ изслѣдованій и, во имя органически-прочнаго развитія науки, возвала къ плодотворной реформѣ, а не къ научной революціи. Такова на нашъ взглядъ постановка даннаго вопроса въ трудахъ Ферри, Листа, Гарофало, Прэнса, Тарда, Фойницкаго и другихъ виднѣйшихъ представителей новаго движенія въ разныхъ его отбѣнкахъ.

Указанный упрекъ идетъ и далѣе. „Почему (спрашиваютъ у представителей новой школы) вы присваиваете себѣ всѣ прогрессивныя идеи науки уголовного права? Развѣ старая школа не думала о борьбѣ съ преступностью, развѣ не она выработала понятіе о рецидивистахъ, систему обращенія съ малолѣтними преступниками, идею досрочнаго освобожденія и другіе глубоко жизненные институты? На какомъ же основаніи вы умалываете ея заслуги?“.

Мы на затронутый вопросъ смотримъ такимъ образомъ: новая школа отнюдь не можетъ претендовать на то, что всѣ ея построенія созданы совершенно самостоятельно, внѣ всякой связи съ предшествующимъ. Никакая идея не можетъ сразу привиться и получить примѣненіе, если почва для нея совершенно не подготовлена и въ воздухѣ не носится ничего ей родственнаго. Работы новаго направленія могли возникнуть и получить признаніе только потому, что почва для нихъ была подготовлена работами статистиковъ, френологовъ, психопатологовъ и криминалистовъ прежняго направленія. Но одно дѣло высказывать идеи мимоходомъ, вырабатывать отдѣльные (хотя и важные) институты, не объединяя ихъ въ гармоническое и систематическое цѣлое, а другое—дать извѣстной идеѣ полное воплощеніе въ жизни и связать предлагаемыя реформы и институты въ одну стройную научную систему, проникнутую отъ начала до конца этой идеей.

До Беккарія многіе высказывались противъ пытокъ и казней, а до появленія новой школы многіе криминалисты старались выработать и дѣйствительно вырабатывали серьезные научные институты, но Беккарія создалъ новую систему, показавъ въ цѣльной и строй-

пой картинѣ всѣ недостатки старой; ему за это принадлежитъ заслуга реформатора-иниціатора; то же самое сдѣлала новая школа уголовного права—и въ этомъ ея заслуга.

Итакъ, обзорѣніе новаго научнаго движенія привело насъ къ убѣжденію, что это движеніе отличается жизнеспособностью и силой. Уголовное право больше не можетъ оставаться чисто абстрактной наукой и покоиться на однѣхъ логическихъ конструкціяхъ. Какъ наука, тѣсно связанная съ общественной жизнью и имѣющая громадное значеніе для многихъ отраслей этой жизни, уголовное право должно считаться съ реальными жизненными условіями, должно сформироваться въ своихъ ученіяхъ съ результатами антропологическихъ и соціологическихъ работъ.

Мы съ своей стороны твердо вѣримъ въ такой исходъ научной борьбы, которая, хотя и продолжается еще на нашихъ глазахъ, но уже чужда прежняго ожесточенія. Залогъ успѣха новой школы мы видимъ, между прочимъ, и въ томъ, что уголовныя законодательства разныхъ странъ начинаютъ воспринимать въ себя новыя идеи, тогда какъ въ этой области прогрессъ обыкновенно сказывается чрезвычайно медленно. Отголоски новаторскихъ стремленій встрѣчаются даже въ сравнительно консервативныхъ проектахъ уголовныхъ уложеній (русскомъ и австрійскомъ); что же касается норвежскаго и обще-швейцарскаго проектовъ, то на нихъ новыя ученія отразились уже въ весьма значительной степени. Характернымъ примѣромъ здѣсь можетъ служить тотъ фактъ, что, напримѣръ, швейцарскій проектъ говоритъ уже не только о наказаніи, но и о мѣрахъ безопасности; онъ придаетъ громадное значеніе привычкѣ къ преступной дѣятельности и обращаетъ серьезное вниманіе на мотивы преступленія.

Нельзя съ увѣренностью сказать, какъ скоро должна кончиться борьба между старымъ и новымъ въ наукѣ уголовного права, но рано или поздно она все-таки кончится. Въ грядущемъ примиреніи и дружной работѣ для общей цѣли лежитъ залогъ будущаго процвѣтанія нашей реформированной науки ¹⁾.

1) Главнѣйшія пособія :

Бѣлогриць-Котляревскій: „Задача и методъ науки уголовного права“ (К. Ун. Изв., 1891 г.).

Дриль: „Малолѣтніе преступники“ (этюды о факторахъ преступности и мѣрахъ борьбы съ преступностью), М. 1888.

- Духовской: „Задачи науки уголовного права“ (Вр. Д. Юр. Л., 1873 г.)
- Есиновъ: „Очеркъ русскаго уголовного права“, Варш., 1894 г.
- ✓ Ферри: „Преступления и преступники въ наукѣ и въ жизни“, перев., Москва 1890 г.
- Ferri: „Sociologie criminelle“, Par., 1893 г.
- Фойницкій: „Учение о наказаніи въ связи съ тюремнѣдѣніемъ“, Спб., 1889 г.
- Joly: „Le combat contre le crime“, Par., 1892 г.
- Garofalo: „La criminalogie“, Par., 1890 г.
- Liszt: „Lehrbuch des Deutschen Strafrechts“, 8-е изд., В. 1897 г.
- Liszt: „Kriminalpolitische Aufgaben“ (Zeitschr. f. d. ges. Strafr., В. IX, X, XII).
- Liszt: „Die psychologischen Grundlagen der Kriminalpolitik“ (Z. f. d. g. Str., 1896 г., В. XVI).
- Lombroso; „L'antropologie criminelle et ses récents progrès“, Р. 1890 г.
- Lammasch: „Criminalpolitische Studien“ (Gerichtssaal, 1890 г., В. XLIV).
- Lucchini: „Le droit pénal et les nouvelles théories“, 1892 г.
- Maus: „De la justice pénal“, 1892 г.
- Набоковъ: „Содержаніе и методъ науки уголовного права“ (Ж. Юр. Об., 1896 г. Декабрь).
- Принсъ: „Новыя доктрины уголовного права“, пер. Н. Р., Спб., 1897 г.
- Prins: „Criminalité et répression“, Brux., 1886 г.
- Пржевальскій: „Профессоръ Францъ Листъ и его основныя воззрѣнія на преступленіе и наказаніе“ (Сб. прав. и общ. зн., т. 6, 1896 г.).
- Сергѣевскій: „Преступленіе и наказаніе какъ предметъ юридической науки“ (Юр. В., 1879 г., 12).
- Сергѣевскій: „Антропологическое направленіе въ изслѣдованіяхъ о преступленіи и наказаніи“ (Юр. В., 1892 г., Февр.).
- Сергѣевскій: „Основные вопросы наказанія въ новѣйшей литературѣ“ (Ж. Г. и У. II, 1893 г., кн. 4).
- Сивидкій: „Моралистическое направленіе въ уголовномъ правѣ“ (Сб. прав. и общ. зн., 1895 г., т. 4).
- Schmidt: „Die Aufgaben der Strafrechtspflege“, 1895 г.
- ✓ Сліозбергъ: „Новое соціологическое направленіе въ уголовномъ правѣ“ (Ж. Г. и У. Пр., 1888 г., кн. 4).
- Спасовичъ: „Новыя направленія въ наукѣ уголовного права“ (В. Евр., 1891 г., кн. 10).
- Stoos: „Der Kampf gegen das Verbrechen“, Bern, 1894 г.
- Таганцевъ: „Лекціи по уголовному праву“, в. 1—4, 1888 - 1892 г., Спб.
- Tarde: „La philosophie pénale“, 1892 г.
- Вульффертъ: „Антрополого-позитивная школа уголовного права въ Италіи“, в. 1 и 2, 1887 и 1893 г., Москва.
- Закревскій: „Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы“, Харьк., 1893 г.

СПБГУ

000186137

ЮФ СПБГУ